

Вэй Шаньцюэ спросил:

— Что случилось?

— Ничего! — Пэй Чанъин резко натянул одеяло, укутавшись с головой и оставив снаружи лишь блестящие темные глаза.

— Правда?

— Ну... возникла одна маленькая... сложность.

Вэй Шаньцюэ присел на край кровати:

— Какая же?

Пэй Чанъин отчаянно колебался. Стоило ли вообще об этом говорить? Даже если он расскажет, Вэй Шаньцюэ мог не понять, да и портить ему настроение не хотелось.

Глава Вэй не торопил его — терпеливо ждал. Наконец Чанъин набрался смелости и, подавшись вперед, прошептал ему на ухо несколько слов.

Вэй Шаньцюэ низко рассмеялся.

— Мое упущение, — с улыбкой произнес он. — Надо было еще в прошлый раз все тебе объяснить.

Пэй Чанъин редко видел, чтобы этот мужчина улыбался. Он заворожено уставился на изгиб его губ — даже мимолетная улыбка на суровом лице казалась невероятно притягательной.

Вэй Шаньцюэ со смешком стянул одеяло с его головы и легонько щелкнул юношу по лбу.

— И стоит ли из-за такой ерунды смущаться?

— Вовсе я не смущаюсь! — поспешно соврал Чанъин.

— Хорошо-хорошо, не смущаешься. Моя ошибка, — мягко согласился Вэй Шаньцюэ.

Затем он спокойно и просто объяснил юноше, как справляться с подобным плотским томлением.

Пэй Чанъин округлил глаза и уставился на свои ладони:

— Этим?

"Разве так можно? — растерялся он. — В тех книжках с картинками все было совсем иначе..."

Видя, как неуклюже ученик пытается следовать советам, мужчина, сдерживая смех, мягко направил его руку.

Как только наука была усвоена, Пэй Чанъин тут же проявил черную неблагодарность. Он мгновенно юркнул обратно под одеяло, оставив снаружи лишь влажные, растерянные глаза. На этот раз смущение скрыть не удалось.

Вэй Шаньцюэ лишь покачал головой. В семьях побогаче юноши его возраста уже заводили жен, нянчили детей или как минимум держали постельных служанок.

Потрепав парня по вихрастой макушке, он строго наставил его:

— Смотри не увлекайся этим чрезмерно. И обходи стороной сомнительные заведения. Понял?

— Не волнуйся, наставник. Мне это совсем не по душе, и в веселые кварталы я ни ногой.

— Вот и славно. Хороший мальчик.

Когда за Вэй Шаньцюэ закрылась дверь, Пэй Чанъин зажмурился, заново переживая каждое мгновение их близости. В его темных глазах на миг промелькнул глубокий, затаенный огонек. В следующую секунду он с досадой взъерошил волосы.

"Дурак! — Пэй Чанъин сокрушенно вздохнул. — Надо было воспользоваться моментом и подольше покапризничать, выпросить побольше ласки..."

Впрочем, ладно. Время терпит.

Книжки с картинками пока придется отложить. Вэй Шаньцюэ все еще видит в нем ребенка, так что торопить события бессмысленно.

Оставив пустые мечтания, Пэй Чанъин вместе с Лин Сяо спозаранку отправились в военный лагерь.

Любые тренировки давались им без малейшего труда. Благодаря выдающемуся мастерству и ловкости они быстро заслужили уважение среди солдат, и лагерь наконец принял чужаков.

Лин Сяо только фыркал:

— Местная муштра — курам на смех. Одно баловство.

Он всерьез опасался, что от такой размеренной жизни растеряет былую хватку. Все складывалось слишком гладко, слишком спокойно.

Но затянувшаяся идиллия редко длится долго — затишье прервалось бедой.

В лагере стряслось нечто жуткое.

Один из солдат проснулся поутру, не чувствуя нижней половины тела. Откинув одеяло, он обомлел от ужаса: за ночь его лишили мужского достоинства. Оскопили, точно скотину.

Не успели утихнуть первые крики, как несчастье повторилось с другими.

Генерал Бай рвал и метал. Провернуть подобное под носом у часовых в строго охраняемом лагере — это был дерзкий, открытый вызов!

Когда началось расследование, быстро вскрылась пугающая закономерность: все пострадавшие ранее прилюдно поносили Пэй Чанъина и Вэй Шаньцюэ.

По лагерю поползли зловещие шепотки:

— Уж не их ли это месть?

— Да брось, Пэй Чанъин и Лин Сяо даже не ночуют в казармах.

— Зато за ними стоит Восточный цех! Для их ищеек пробраться сюда под покровом темноты — плевое дело.

— Не может быть...

— Почему нет? Вэй Шаньцюэ сам евнух, кто знает, какая блажь могла взбрести ему в голову?

Пока генерал Бай стягивал посты и устраивал повальные обыски, следующей же ночью еще один острый на язык солдат лишился своего мужского естества.